

Б.Ф. ШИФРИН

“Бездорожье” как русский культурный феномен

В качестве операционального элемента той или иной практики *процедура* (или алгоритм) понимается в интенции целерационального действия. Но требования операциональной определенности формируют соответствующий стиль, то есть нечто онтологически-тотальное. В итоге процедура начинает фигурировать как действие ценностно-рациональное. Выравнивание и исправление, делающие акцент на процедуре как таковой, не отменяют вопроса о мотивации высшего порядка, о последних целях каждодневно-шаблонной регулярности и о тех идеалах, которые стоят за проектами и утопиями. Правила и функциональные структуры не ограничиваются ближайшими регионами, но – фундируя социальное воображение – генерируют “аналитическое продолжение” намеченных линий, экстраполяцию в бесконечность. Этот (эйдетический) план процедур порядка требует высвечивания и истолкования. Феномен “борьбы с бездорожьем” заставляет нас задуматься об онтологии повседневно-процедурного существования.

“Борьба с бездорожьем”. В “Толковом словаре русского языка” под редакцией Д. Ушакова *бездорожье* трактуется, казалось бы, в умеренном, *относительном* смысле (приблизительно как неудовлетворительность с точки зрения норм и стандартов). Но материал говорит сам за себя:

БЕЗДОРОЖЬЕ <...> 1. Отсутствие сносных дорог, недостаток проезжих дорог. *Борьба с бездорожьем – очередная задача социалистического строительства.* 2. Время, когда дороги делаются непроходимыми; распутица. *Осеннее, весеннее б.*

Итак, речь идет о текущем (очередном) моменте борьбы: победим бездорожье и займемся какой-то другой борьбой/мероприятием в соответствии с социалистическим планом-очередью. Но разведение значений словарного слова по разным гнездам еще не означает, что смысл слова разлагается в сознании. Если бездорожье – время (природное, связанное с сезонами), то получается, что борьба с бездорожьем – очередной момент “времени строительства” – есть борьба с природным временем. На повестке дня – полная победа, ликвидация природно-стихийных эксцессов. Скажем, за зиму и весну предписано преодолеть сам феномен сезонности (авральное уничтожение времени?). Вряд ли можно трактовать это как ограниченно-деловую постановку вопроса. Нет, тут организованное усилие, направляемое замыслом-моделью; и это усилие должно в ходе текущих (очередных) мероприятий отменить само естество, время естества (не очень понятно, что же тогда будет течь, какая субстанция). Задача из ряда предельных. Было же некогда сказано: “И времени больше не будет”. Дорога как насилие над природой относится к той же сфере, что и представление о властях не как об установлении, соприродном человеческому общежитию (ср. с концепцией естественного договора), но как о чем-то положенном извне и неизбежном, чему приходится подчиняться, поскольку *сила солому ломит*.

Шифрин Борис Фридманович – кандидат физико-математических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (СПбГУАП).

Но есть ведь и иная дорога, выверенная столь же с природным временем, сколь и с пространством. Люди ждут зимы, когда можно на санях привезти по затвердевшему грунту (или насту) то, что иначе и вовсе не перевезешь. Ждут, чтобы река стала, тогда дорога пойдет по льду. Езда по русским просторам – дело сезонное, и это вовсе не кажется ненормальным русскому человеку, зато смущает чужеземца. В конце концов, “естественно” тоже значит “нормально”, неестественное – вид ненормальности (норма не единственна; следует отличить нормальность от нормативности). Поэтическое отношение к весенней и осенней распутице как раз и выражает ощущение, что даже моменты сезонного перелома не являются болезнью. Они естественны и живописны. Естественна грязь от таяния, она вовсе не является чем-то *нечистым*. Разумеется, в представлении о дороге как о планиметрически ровной полосе преобладает момент редукиции и стерильности. Но этот образ не имеет отношения к образу русской равнины. Равнина вовсе не исходит из гладкой площадки как порождающей основы. Равнина – размах, ширь, раздолье, причем в разных местах разная. Если же эта разность неощутима, то равнина называется мертвой, ледяной, уподобляется пустыне.

Логический аспект процедурной утопии. Стиль тотальной алгоритмической правильности (исправности, исчисленности) сегодня проникает в технологию и деловую коммуникацию под лозунгом “операционального определения”. Всякий концепт должен быть прояснен на уровне числовых параметров, чтобы не осталось имен с нечетким объемом (пунктуальность рейсов = опоздание не более чем на три, пять, десять минут). Аналогичная операциональная разъясненность требуется от социологических опросов, тестов и т.п. [Батыгин, 1995]. Но оказывается, что акцентированный план определенности и мыслимые отрицанием этого плана моменты неопределенности никогда не остаются двумя исчерпывающими вопрос локусами. Есть некая объемлющая их целостность, шире обеих компонент, в результате чего возникает некое “между”. Для социологии это означает, что мы имеем огромную область присутствующего по умолчанию “прочего”, – и даже учет тех или иных “факультативных факторов” не решает проблему действительно релевантного.

Аналогичное явление имеет место в семантике повседневного языка. Например, оппозиция “плохой–не плохой” превращается в ряд: “плохой–неплохой (удовлетворительный и т.п.)–хороший” [Асмус, 1947, с. 46–47]. Отрицание, полагающее все вненормативное в качестве предназначенного к выправлению беспорядка, логически ошибочно. Бинарная оппозиция не схватывает полноты сущего, негация не решает вопроса о дефиниции (в этом смысле закон исключенного третьего не действителен). Мы видели, что *бездорожье* фигурирует в речи и как нехватка или плохое качество дорог, и как их *отсутствие* (а еще и как нечто сезонное). Даже оснащенная формулой математическая мысль имеет в виду и иные планы определенности: математик манипулирует виртуальными конфигурациями, представляя некие элементы в образе слабоочерченных масс, пятен или промежуточных мест [Адамар, 1970]. Бездорожье – не обязательно хаос, это может быть даже определенный и очищенный от лишнего (в этом смысле – абстрактный) образ, например, можно идти или ехать *целиком*, – поверхностью, не исполосованной никакой сетью дорог (целиной). Редуцированность/исчислимость не противостоит “всему остальному”.

Более того, в этом “остальном” (даже традиционном) “прячут” плоскости не менее редуцированного (в интересах действия) представления о мире, некие утопии повседневных практик. В “Епифанских шлюзах” А. Платонова инженеры-немцы, направляющиеся к месту, где по велению Петра (и в соответствии с проектом) надлежит возникнуть системе каналов, ведут разговор с ящиками:

“Иногда перед ними расстилались пространные степи и ковыльные земли, на которых не было и следа дороги. – А где Посольский тракт? – спрашивали немцы ящиков. – А вот он самый – указывали на круглое пространство ящики.

– А сего незаметно! – восклицали немцы, вглядываясь в грунт.

– Так трахт одно направление, а трамбовки тут быть не должно! Он до самой Казани такой – все едино! – поясняли, поелику возможно, ямщики иноземцам”¹ [Платонов, 1983, с. 178–179].

Концепт образа. Традиционный обиход удерживает представление о норме лишь имплицитно. Маркирована ситуация эксцесса: нарушение заставляет норму явно обнаружить себя. И радикальный бунт (констатация “все не так!”) как раз не с нормативами воюет, но отрицает всю онтологию обихода в пользу стихии и анархии. Дифференцируя разные виды “констатации ненормальности”, будем иметь в виду их тесную связь с концептуальной сферой **образа**. В этом схематическом обсуждении мы намерены различить *пример, шаблон, эталон*.

В первом смысле (“что-то не так” или “все не так”) человек не аналитически сравнивает, но как-то сверяет положение дел с тем, что представляется в качестве образа. Образец не присутствует при этом в “прописанном” виде; он, скорее, приближается к интуитивному образу. “Все не так” значит: “ни с чем не со-образно”. Ведь и человек не сотворен по чертежу, но “по образу и подобию”. Разумеется, действия людей сами по себе не вполне совершенны, рука может и дрогнуть. Тут в основе лежит представление о *мере*, примерке (“семь раз примерь...”). Не шаблон-стандарт, но *пример*. И если от меры переходить к измерению, то тут мера и масштаб ориентируются на человечески-телесную пластику. Локоть и стопа не то же, что идеально-выпрямленный и абсолютно-твердый отрезок. Да и сама равнина мыслится в той же пластике, как место жизни (и нечто живое; земля родная – это и народ); а измеряются расстояния шагами².

Переходя к области второго типа критики ненормальности (равнение на “норму-как-норматив”), сталкиваемся с неудовлетворенностью не только беспорядком, но и описанным выше пониманием правильности (ладности, гармонии) как со-образности. Нужна референция к стандартам, к процедурам унификации, поскольку *каждый мерит на свой аршин*. Порядок надо поддерживать. Образцовое устройство ориентируется здесь на линейку и артикул, на некие *механизмы* регуляризации, прежде всего развившиеся в городской цивилизации: регистрация, инвентаризация, стандарт в одежде, стрижке, поведении, языке, уставной шрифт; перепись, репрезентация человеческой единицы в виде личного дела (анкеты), послужного списка и т.п. Всеобщее назначение (или место) этой единицы – *служба*, исправное функционирование (в известной степени занятое как раз исправлением тех или иных стихийных отклонений). Основное свойство шаблона – возможность его точного копирования, повторения. Шаблон существует как деперсонифицированный артефакт, ничем не отмеченный экземпляр (это не то же, что не то же, что *пример*). Шаблон операционально включается в разные процедуры, дающие количественные результаты. Но понимание нормы, ориентированное на шаблон, есть черта качественная, доминанта определенного стиля (стандартизация, унификация и т.п.) [Устюгова, 2006].

Наконец, коснемся важного понятия – *эталон*. Эталон идеален и уникален. Он высший представитель некоего качества (идеально точен, устойчив, константен). Эталон массы делается из материала высшей пробы, наиболее благородного. Он мыслится как благо, единство истины, совершенства и добра. Он хранится в некоем особом месте в особых условиях (как в святилище) и недоступен для простых смертных. Шаблон – лишь некая профанная проекция эталона. Однако, апеллируя к механико-геометрическим образам и критериям, уже и шаблон претендует на идеальность. Абсолютизация планшета может подвергаться критике со стороны реальной жизни: “Гладко было на бумаге да забыли про овраги”. Но процедура все-таки осуществляется, хотя и в два

¹ Представление о дороге, выявленное здесь Платоновым, поразительно. Оно конкретно как психическая реалья, как интонация речи (и мысли) ямщика. Но итог такого видения в высшей степени абстрактен: *тракт* – лишь направление (математический вектор?). Окружающее – чистейшая (и пустая) однородность, изотропность, то есть круглое пространство. По части абстрактного мышления ямщики явно превзошли немецких инженеров: те остановились на такой отвлеченности, как “грунт” (грунтовая дорога), но до нашего “все едино” не дошли, как и до всякого отвлечения от земли, от материи (“а трамбовки тут быть не должно”). Другой вариант утопического видения представлен писателем в повести “Эфирный тракт”.

² К этому примыкает и наблюдение С. Лишаева: “В русской речевой стихии начало душевного мира-лада отождествляется с началом мира-вселенной” [Лишаев, 2008, с. 95].

этапа: исследовав местность, ее могут потом объявить белым местом, сравнив все неровности жизни и подготовив *чистую площадку* [Шифрин, 2000]. Известна история (или легенда) о том, как император Николай I, не дослушав доклад о проекте железной дороги, просто наложил линейку на карту и соединил прямой линией две столицы.

Шаблон выступает как эталон. Эта подмена зиждется на том, что обе крайние интенции восходят к еще лишенному каких-либо разделений концепту образца (он же – “образец для подражания”), глубоко укорененному в нашем мышлении. И вот оказывается, что некие права выступать от лица Абсолюта могут признаваться за Верховным Властителем. По отношению к Петру такую точку зрения (высвечивая ее трагическую противоречивость) развивают и А. Пушкин (в “Медном Всаднике”), и П. Чаадаев (в “Апологии сумасшедшего”). Мыслить эталон в связи с нормативностью и шаблоном – не единственный способ “явления эталона” в эпоху Просвещения. Явление Эталона народу имитировалось и разнообразием эмблематически-аллегорических действ и театрализованных празднеств. В дальнейшем этот тип явления/имитации эталона выродился в показательные учения, балеты пешего и кавалерийского строя (“Пехотных ратей и коней однообразная краснота”).

Но о каких абсолютных полномочиях, далеко превосходящих полномочия театрального постановщика, шла выше речь? Власть действует не только в природном пространстве, артикуляция которого всегда сомнительна. Нет, она равняет и выстраивает по ранжиру людей, проводит борозды и оставляет просеки в человеческом материале. Звучат флейта и барабан, но выясняется, что это не только балет или показательное выступление. Людей выстраивают в шеренги. Создается путь не по грунту. Земля – это люди. Что такое обочины железной дороги – об этом сказал Н. Некрасов. Те же косточки легли в основание Петербурга, а не только камень. Позже мотив хождения не по косному, но по живому станет расширяться, судьба человека будет решаться в этих из людей же выстроенных проходах и дебрях – на Ходынском поле, в демонстрациях, в очередях, в толкучке и давке, на вокзалах, на похоронах вождей. Как же не поэтизировать разливы рек и весеннюю распутицу, если это воля, а не пересылка по этапу.

Стоит отметить, что представление об эталоне в связи с шаблоном является позднемеханическим упрощением. Реконструировать сознание, не фундированное образами прошедшей через механистичизм цивилизации, можно лишь предположительно. Подобное сознание не привязано к сфере нормативно-навязанного порядка. Соответствующая интуиция нормальной жизни (обиход в связи с обычаем) принимает констатацию “все в порядке” не как сверку с нормативом, но как ощущение лада. В повседневности этому соответствует некая естественность смены будней и календарных праздников. В этом способе приятия мира задействован и органон (не “механизм”!) регуляции. Конечно, в культуре такого типа образцы соотнесены с известными правилами и формулами. Но это не атомизированные трафареты, действенные сами по себе. Скорее это то, что Д. Лихачев описал как этикет древнерусской жизни [Лихачев, 1979]. И в этом случае мы имеем не шаблон, фальшивый в своем отождествлении с эталоном, но нечто, гораздо более тонко и духовно соотнесенное и с идеалом, и с гармонией-ладом жизни, а именно – *канон*.

Культ прямолинейности. Шаблон как нечто прикладное (линейку прикладывая) причастен не к тому, что ценно, а к тому, что приносит пользу. Но бюрократическая рутина, шагистика и иная механическая процедурность могут быть доведены до нечеловеческого совершенства. Некие автоматизмы оттачиваются в этом случае уже не с мыслью о пользе, но как произведения искусства, преодолевающие непригодность исходного *материала*. Или это утопия? Однако здесь лишь усиливается преданность идеалу выравниваемости, тем более, что он имеет и местный, уездный статус (инструкция и устав воздействуют не тем, что они спущены с заоблачных высот, а особой арматурой своих артикулов). Какая уж тут утопия – в бумагах порядок. Инструкции просты, но кто-нибудь или что-нибудь всякий раз нарушает строй! Жизнь сама по себе идет не так, как надо, вкривь и вкось, дела требуют неусыпного внимания и бдения. Каждую мелочь приходится наблюдать и исправлять. Было и слово такое:

исправник (начальник уездной полиции). Инструкция, свод правил как предмет поклонения – это фетиш. Прямолинейность, возведенная в культ, не есть действительно масштабное зрение. Такой тип порядка автомоделен, любые два отрезка качественно тождественны и каждый из них противопоставлен чему-то изогнутому, этакому. Установка придиричавая и нетерпимая: каждая мелочь предстает как отклонение, нарушение порядка, безобразие, святотатство. Не говоря уже о чем-то впрямь неординарном.

Одержимость. Борьба с бездорожеством – вид одержимости, вообще говоря, организационной, не индивидуальной. Это одержимость, так сказать, административная, по роду службы. Проведенное выше рассмотрение отчасти выявляет факторы, ответственные за этот феномен.

Идея завладевает человеком... Как это возможно? Предположим, что исходным моментом оказывается как раз “констатация ненормальности”. Хочется улучшить или преобразовать положение дел, то целое, которое (соответственно предложенному разделению) получает одно из трех представлений и может мыслиться как: 1) естественность, органичность; 2) организованность; 3) осязаемое присутствие идеи, то есть настоятельность идеала (высшая правильность, идеальный порядок и т.п.). В первом случае видится человеческое существо в естественном приобщении к широкому единству окружающей жизни. Во втором – организация в пространстве налаженной коммуникации, с контролируемыми потоками документации (запросы, сообщения, распоряжения, рапорты). Третий случай особый. Идея не имеет своего физического тела, и чтобы присутствовать и осуществлять себя, она “вселяется в”, используя сознание человека и “культуру”.

Изначальная неовещность идеала и есть тот статус его существования, который делает его довольно-таки воинственным. Он, как вирус, должен занимать души людей. Но человек уже занят, у него много дел, забот. Этот тезис нетрудно расшифровать: человека и культуру занимает время, ибо и времени требуется место и способ проявления, прописка, идентичность [Хайдеггер, 1993]. Вот поэтому и необходим особый напор, преодоление каких-то служб иммунитета, “борьба с...”

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики. М., 1970.

Асмус В.Ф. Логика. М., 1947.

Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований. М., 1995.

Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.

Лишаев С.А. Эстетика другого. СПб., 2008.

Платонов А. Избр. произв. М., 1983.

Устюгова Е.Н. Стиль и культура. СПб., 2006.

Хайдеггер М. Время и бытие // Время и бытие. М., 1993.

Шифрин Б.Ф. Топологическая модель как фактор освоения пространств // Социальное воображение. СПб., 2000.

© Б. Шифрин, 2010

Сдано в набор 20.11.2009

Подписано к печати 23.12.2009

Формат бумаги 70 × 100^{1/16}

Офсетная печать

Усл. печ.л. 14,3

Усл.кр.-отт. 11,3 тыс.

Уч.-изд.л. 18,6

Бум.л. 5,5

Тираж 778 экз.

Зак. 878

Свидетельство о регистрации № 011034 от 04.02.1993

Министерство печати и информации Российской Федерации

Учредители: Российская академия наук, Президиум РАН

Адрес редакции: Мароновский пер., д. 26, Москва, 119049

Издатель – Академиздатцентр “Наука”: Профсоюзная ул., д. 90, Москва, 117997

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”»: Шубинский пер., д. 6, Москва, 121099